

ле,— не так-то просто написать и опубликовать роман, где бы не восхвалялось «превссходство» всего европейского».

Мпашлеле заключает свое выступление выражением твердой уверенности в том, что

ни трудность условий, ни сложные противоречия создавшейся ситуации не помешают молодой негритянской литературе «найти свой путь» и открыть для себя новые, большие горизонты.

Элиот или здравый смысл

Место, которое принадлежит английскому поэту Томасу Стерну Элиоту в ряду «властителей дум» современной буржуазной интеллигенции, является не только одним из самых первых. Оно, кроме того, совершенно особое. Можно без преувеличения сказать, что в современной буржуазной литературе (а в поэзии особенно), в эстетике и литературной критике вот уже многие годы царит своего рода «культ Элиота». Пытаться критически разобраться в концепциях и мнениях Элиота, чаще всего путанных, а иногда и просто бессмысленных, считается недопустимым: их надо благоговейно принимать на веру. Спорить с высказываниями Элиота и даже пытаться обсуждать их — кощунство: их можно только почтительно цитировать. В каждой строчке поэзии Элиота надо чувствовать особый смысл, не доступный разуму простого смертного, или же, как минимум, верить, что таковой в них имеется. Эти три заповеди стали для многих почти священными, и мало кто из современных деятелей буржуазной культуры решится подвергнуть их сомнению вслух. Поэтому опубликованная на страницах американского журнала «Сэтерлей ревью» статья преподавателя литературы Небраскского университета и поэта Карла Шапиро «Т. С. Элиот, или Смерть рассудка в литературных мнениях» — явление во многих отношениях примечательное.

По существу, это не более как попытка, и притом довольно робкая, объективно разобраться в значении поэзии Элиота и беспристрастно оценить его место в современной буржуазной культуре. Но в свете установившегося отношения к Элиоту даже такая попытка кажется и автору статьи и редакции журнала чуть ли не переворотом в литературной жизни. В предпосланной статье краткой вступительной заметке редактора отдела поэзии журнала Джона Чиарди о том, что Шапиро осмеливается

говорить об Элиоте как о «простом смертном», сказано так, будто редактор ожидал, что подобное «кощунство» вызовет бурю. Ведь разговор идет о человеке, по словам Чиарди, «захватившем почти тотальную власть» над современными литературными мнениями на Западе.

«Сама мысль, что можно пытаться как-то подытожить написанное Т. С. Элиотом, кажется чем-то вроде богохульства или поступка, не простительного по своей грубости», — признает К. Шапиро. И у Чиарди, и у Шапиро, несмотря на то, что оба они стараются выдержать решительный тон, чувствуется растерянность людей, взявших на себя нелегкую миссию сказать людям простую правду: «А ведь король-то — гол!» И как бы в свое оправдание, Чиарди высказывает надежду, что

«дискуссия, которую не может не вызвать выступление Шапиро, вероятно, скорее послужит прояснению создавшегося положения, чем замутнению его».

Что же тогда подвигло автора и редакцию на такой, по их мнению, отчаянный шаг? Ответ прост — давление авторитета Элиота и его приверженцев стало невыносимым даже для деятелей буржуазной культуры, стоящих на весьма умеренных позициях.

«Элиот неприкосновенен, он — это сама Современная Литература с большой буквы, ее воплощение и вся ее организация. Не соглашаться с ним дозволяется лишь в мелких частностях, но не более того. И у противника, который ищет у ворот крепости «Элиот» возможности проникнуть в эту твердыню, ничего не выйдет», —

с горечью и иронией, но отнюдь не без робости отмечает Шапиро.

Создалось такое положение, жалуется далее Шапиро, что о поэзии Элиота считается допустимым говорить только на языке совершенно загадочных терминов, предосудительно придуманных самим поэтом.

«Таковы, например, «мифическая форма», «объективный коррелятив», «слышимая образность», «диссоциация чувств» и штук пятьдесят-шестьдесят подобных же измышлений, которые предназначены для объяснения нам его поэзии».

Мы, продолжает Шапиро, живем под своего рода гипнотическим внушением, что мир идей Элиота, поэта и критика,— это сам «современный мир», сама «литературная ситуация» эпохи (выражение, которое, по словам Шапиро, «самим Элиотом же и выдуманно») и что если их трудно понять, то причиной тому — «исторические трудности» нашего времени. А раз все так непонятно, то не лучше ли, пока еще не поздно, хоть раз попробовать разобраться во всем этом? — спрашивает Шапиро. И если это сделать, вот что, оказывается, выходит на поверку:

«Элиот в одно и то же время и герой и жертва некоей сложности истории. И эта сложность обязана своим появлением на свет не столько самой «истории», сколько Элиоту. Элиот создает некую «литературную ситуацию» совершенно сознательно. И сам он и эта его пресловутая «ситуация» — просто сфабрикованы, и притом так, что выглядят весьма внушительно. Проще говоря, Элиот сам выдумал нечто, называемое им «современным миром», а на самом деле являющееся всего-навсего элиотовской версией мира, так как мир этот нереален и населяют его последователи Элиота. И население это состоит из горстки критиков и профессоров да нескольких писателей элиотовского поколения, хотя, читая современную критику и обучая людей по новейшим учебникам литературы, можно подумать, что мир этот — целое царство современной поэзии, в котором Элиот сам себе и абсолютный монарх и архиепископ кентерберийский».

Став на путь разоблачений, Шапиро, делает одно открытие за другим и уже не может остановиться. Так, беспристрастно оглянувшись на поэзию последних десятилетий, он, к своему немалому удивлению, убеждается, что влияние поэзии и критики Элиота на современную литературу «существует только на бумаге, только в представлении нескольких критиков». В действительности же оказывается, что все «влияние» Элиота распространяется только на «литературную критику». Поэтому и статью свою Шапиро обращает не к поэтам, а главным образом к учащейся молодежи и молодой критике:

«Им эта статья, может быть, окажет некоторую помощь. Я пишу ее, имея в виду прежде всего студентов, которым новейшая поэзия преподносится как некое евангелие, а также для преподавателей и литературоведов».

После всего отмеченного им Шапиро уже не может не поставить вопрос: в чем же тогда причина исключительного, почти беспримерного в буржуазной литературе влияния Элиота на умы современников? Анализируя поэзию Элиота, он не находит в ней объяснения этого влияния и подчеркивает прежде всего ее книжность, ее враждебность живой действительности и жизненному опыту. «Переживание у Элиота,— пишет Шапиро,— это всегда и обязательно переживание «чисто литературное». Всякое другое переживание для него низменно и примитивно, и исключение допускается только для религиозного переживания, любимого пристанища Элиота». «Истерия, взятая под контроль» — таково, по мнению Шапиро, «самое точное определение поэзии Элиота», которая «в высшей степени не оригинальна ни по содержанию, ни по стилю». Именно поэтому, замечает он, для Элиота-поэта всегда была невыносима «мысль о широкой и пестрой аудитории», и творчество его неизменно «адресуется... к верхушке буржуазного общества».

Столь же незначительной оказывается, стоило только Шапиро попристальнее взглянуть в нее, и «философия» Элиота:

«Почему его собственные произведения скорее смахивают на поучения, чем на художественные творения?... Уж не на самом ли деле в них нет ничего, кроме социологии, реакционной политики, злобы и отчаяния?».

Движущей силой элиотовского творчества являются поиски некоего мистического центра человеческих переживаний... В юности он начал с литературного символизма, когда тот уже выродился в вымирающую религиозно-эстетическую мистику. От символизма он переходит к поэтам-метафизикам XVII века... Кончает же Элиот как религиозный поэт самого традиционного для этой поэзии типа... В конце концов он приходит к тому, что становится чем-то вроде карикатуры: то ли современным поэтом от поповщины, то ли попом от психиатрии, единственным в своем роде заклинателем фурий современности. Охота за ведьмами пронизывает все творчество Элиота от начала до конца».

Что же тогда могло вызвать к жизни и упрочить «культ Элиота» в современной

англо-американской буржуазной литературе? Шапиро приходит к выводу, что это объясняется исключительно «влиянием Элиота на литературную критику». «То, что определило несостоятельность Элиота как поэта,— пишет Шапиро,— обеспечило его успех как критика». А именно — его «сверхинтеллектуализм», кажущаяся глубокомысленной непонятность, загадочность его терминологии, мистицизм. Элиот как критик и теоретик сумел, по мнению Шапиро, убедить всю критику в том, что единственный, кто может раскрыть глубины его поэзии,— это он сам. Только отсюда будто бы и берет свое начало та легенда, которая и поныне еще творится буржуазной критикой вокруг имени Элиота: это будто бы и стало тем «капканом», в который Элиоту удалось поймать буржуазных критиков-гуманистов.

«Стратегическая цель критических работ Элиота — не допустить возможности здравого литературного суждения о нем самом. Целью критической школы, которая обязана своим возникновением Элиоту (так называемая «новая критика») стало вытеснение здравого литературного суждения теорией».

Нужно заметить, однако, что при всей своей резкости и кажущейся решительности, разоблачения «элиотизма», которые делает Шапиро, половинчаты. И это понятно. Ведь Элиот — один из столпов современной буржуазной культуры. И поэтому глубокая и последовательная критика Элиота поставила бы Шапиро перед очень трудными для буржуазного интеллигента дилеммами. Пришлось бы признать, что Элиот стал таким полновластным законодателем литера-

турных мнений и норм прежде всего потому, что его мистика, реакционная философия, проникнутый поповщиной «сверхинтеллектуализм» оказались нужными буржуазной культуре в момент обострения ее внутреннего кризиса. Ведь приходится же Шапиро констатировать, что популярность Элиота в США начинается в 30-х годах, «именно в то время, когда депрессия достигла своей наивысшей точки». Признание это сделано Шапиро с массой оговорок, но все-таки сделано. Не случайно и то, что Шапиро так настойчиво подчеркивает некий сверхъестественный «гипнотизм» личности и терминологии Элиота. Неспроста выдвинуто им и приведенное выше решительное отрицание влияния Элиота на современных поэтов: Шапиро старается вывести из-под удара, который он направляет по Элиоту, современную буржуазную поэзию и, в частности, поэтов-модернистов. А ведь влияние поэзии и теорий Элиота на эту группу поэтов отрицать просто невозможно.

Тем не менее критика «элиотизма», развернутая Шапиро, заслуживает самого пристального внимания, так как, начавшись с протестов только против «тотального» личного авторитета Элиота, она выставила на всеобщее обозрение много больших вопросов современной буржуазной литературы. В том упорстве, с каким Шапиро отстаивает право на самостоятельное «суждение о литературных явлениях», стремясь освободиться от давящего «элиотовского авторитета», звучит тоска по здравому смыслу, которого так не хватает многим произведениям модернистской литературы.

Задача № 1 корейской литературы

Каково положение корейской литературы сегодня? В чем состоят главные задачи, поставленные жизнью перед корейскими писателями? Каковы пути их разрешения? Эти вопросы обсуждались на очередном пятом пленуме Центрального правления Союза писателей Кореи. Как и писатели других стран народной демократии, корейские литераторы видят перспективы своего дальнейшего творческого роста в расширении связи с народом и в более полном овладении методом социалистического реализма. Вместе с тем специфика нацио-

нальных условий определяет в каждой стране характерные особенности этого процесса.

Пленум состоялся в Пхеньяне в начале нынешнего года. С большим программным докладом «За решительный подъем литературного творчества» выступил председатель Центрального правления Союза писателей Кореи Хан Сер Я.

Указывая на те общие задачи, разрешение которых будет определять весь ход развития молодой корейской литературы на современном этапе, Хан Сер Я отмечал: